

Именно читатель / слушатель литературного произведения играет ключевую роль в художественной и эстетической коммуникации в связке текст / читатель, так как литературное произведение существует только в процессе чтения и после его прочтения, интерпретации, обсуждения и рефлексии.

Критика читательского отклика (рецептивная эстетика) может стать ценным подходом к пониманию того, как дети взаимодействуют с литературой и интерпретируют ее. Она признает, что юные читатели привносят в текст свои уникальные взгляды и опыт, выражая свои индивидуально-личностные реакции.

Библиографический список

1. Бахтин, М. М. Автор и герой в эстетическом событии / М. Бахтин. – М.: Центр гуманитарных инициатив, 2020. – 540 с.
2. Ковылкин, А. Н. Вопросы рецептивной эстетики [Электронный ресурс] / А. Н. Ковылкин // ОНВ. – 2007. – № 2 (54). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/voprosy-retseptivnoy-estetiki>. – Дата доступа: 14.09.2023.

ВНУТРЕННЯЯ ФОРМА НОМИНАЦИЙ ИМЕННЫХ ЧАСТЕЙ РЕЧИ И ГЛАГОЛА В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ: КОНТРАСТИВНЫЙ АСПЕКТ

Цзи Чжици (Минск, Беларусь)

В. В. Иванов в энциклопедии «Русский язык» определяет *внутреннюю форму слова* (далее – ВФС и ВФ) как «осознаваемую говорящими мотивированность значения слова (или словосочетания) данного языка значением составляющих его элементов (соответственно морфем или слов)» [6, с. 82].

В отличие от процедуры словообразовательного анализа выявление ВФС связано с поисками образа или идеи, положенных в основу номинации в традициях определенной национальной языковой картины мира, например:

– слово *гром* в русском языке связано с соотнесением громкого звука с большим по размеру предметом, который при движении или падении может издавать такой звук, отсюда и однокоренные производные *гром-ыхать*, *гром-кий*, *о-гром-ный*, *гром-адный*, *гром-оздить*, *гром-оздкий* и др.;

– слова *вишня* и *земляника* связаны с внешними признаками обозначаемой ягоды – *виш-ня вис-ит* на плодоножке, *земл-яника* тоже висит, но низко, близко к *земл-е*;

– абстрактное имя существительное *вн-уш-ение* (от *ух-о*, *уш-и*) восходит к идее передачи сведений в устной форме от говорящего к слушающему – «вложить в уши» – *вн-уш-ить*;

– слова *втор-ник* и *пят-ница* называют соответственно *втор-ой* и *пят-ый* дни недели, а *сред-а* (ср. диалектное *серед-а*) обозначает *серед-ину* недели, к этому же гнезду относятся слова с той же внутренней формой – *сред-инный*, *серд-це*, *серд-цевина*, *сред-оточие*, *сосредоточить*, *со-сред-оточиться*.

Этот «сохраняющийся в слове отпечаток того движения мысли, которое имело место в момент возникновения слова» [8, с. 116], по наблюдениям Ю. С. Маслова, может быть «более или менее заметным, а может и вовсе теряться в глубине веков; в последнем случае говорят об утрате (или отсутствии) у данного слова внутренней формы. Так, например, слова *темница* и *светлица* имеют ВФ, а *тюрьма* и *комната* – нет. Слово *город* в современном русском языке уже не связывается с глаголом *городить*, *окно* – с *око*. Все эти связи, однако,

присутствуют в языке в латентной (скрытой) форме и могут оживать в поэзии или в языковой игре. ВФС может отсылать не только к другому слову, от которого образовано данное, но также и к другому значению того же слова. Так, русские глаголы *рассматривать* и *считать* в значении 'иметь свое суждение (по какому-л. вопросу)' имеют разную ВФ, так как для первого из них исходным является значение 'смотреть', а для второго – 'вести счёт'» [там же].

Поиском и объяснением утраченной ВФС занимается специальный раздел лингвистики – *этимология*, имеющий давние традиции как в русской, так и в китайской языковедческих традициях (см. об этом работы С. Б. Бернштейна [2], Р. А. Будагова [3] и Анны А. Зализняка [5]). Сам термин *внутренняя форма слова* был введен в лингвистику в середине XIX в. российским и украинским языковедом членом-корреспондентом Императорской Санкт-Петербургской академии наук А. А. Потебнёй [9], при этом словосочетание *внутренняя форма* восходит к переводу на русский язык термина немецкого ученого – основоположника общего языкознания – В. фон Гумбольдта *innere Sprachform* 'внутренняя форма языка' [4]. Термин *внутренняя форма слова* принадлежит к русской лингвистической традиции и за ее пределами не имеет прямых аналогов. В китайском языкознании и, соответственно, в словарях китайского языка [11–13] такой термин отсутствует, однако китайская лингвистическая традиция восходит к тематической систематизации и как следствие этого – объяснению структуры иероглифов, что в принципе является поисками ВФ обозначаемых ими понятий.

В контексте сказанного контрастивное исследование ВФ основных русских и китайских грамматических терминов представляется актуальным не только в плане построения сопоставительных грамматик разноструктурных языков, но и в решении задачи выявления и описания ключевых образов и идей национальных языковых картин мира, что, в свою очередь, органично объединяет методы и приемы трех парадигм современной лингвистики – системно-структурной, сравнительно-исторической и антропоцентрической.

Рассмотрим наименования основных частей речи русской и китайской грамматик.

Термин *имя существительное* в русском языке происходит от слова *сущий* – *сущее* 'то что, существует', в свою очередь, образованное от устаревшей глагольной формы 3 л. мн. ч. настоящего времени *суть* (в начальной супплетивной форме – *быть*), ср. еще употребительную, но довольно редко в роли сказуемого или сказуемостной связки форму 3 л. ед. ч. *есть*:

Есть речи – *значенье Темно иль ничтожно! – Но им без волненья Внимать невозможно.* М. Лермонтов; *Конечно, мне всё равно, есть ли вы на свете, нет ли вас.* А. Островский; [Вронский] *вошёл в её комнату, и не думая, не замечая того, есть ли кто в комнате или нет, он обнял её.* Л. Толстой; *У осени поздней, порою печальной, Есть чудные краски свои.* И. Никитин [7, т. 1, с. 468]; *Занятия эти суть: пахота, бороньба, молотьба хлеба, сенокос.* М. Салтыков-Щедрин; *Самые обыкновенные, принимаемые почти всеми историками общие отвлечения суть: свобода, равенство, просвещение, прогресс, цивилизация, культура.* Л. Толстой [7, т. 4, с. 310]; *Слух обо мне пройдёт по всей Руси великой, И назовёт меня всяк сущий в ней язык. И гордый внук славян, и финн, и ныне дикой Тунгус, и друг степей калмык.* А. Пушкин; *Однажды утром, проснувшись, Крамольников совершенно явственно ощутил, что его нет. Ещё вчера он сознавал себя сущим; сегодня вчерашнее бытие каким-то волшебством превратилось в небытие.* М. Салтыков-Щедрин [7, т. 4, с. 314].

Таким образом, имена существительные обозначают все, что есть, что существует в познанной человеком действительности – материальный и духовный мир, реальный и волшебный воображаемый миры. В китайской грамматической традиции, согласно данными [11], *имя существительное* именуется диадой 名词 – 表示人或事物以及时间、方位等的词 'слова, обозначающие людей или предметы, а также время, место и т. п.', в которой иероглифы имеют значения:

– 名: 人或事物的称谓 'имя человека или предмета',

– 词: 语言里最小的可以独立运用的单位 ‘наименьшая единица языка, которую можно использовать независимо от других слов’.

Между внутренними формами этих терминов в русском и китайском языках нет принципиальной разницы, однако китайский термин помимо семантической характеристики содержит прямое грамматическое указание на абсолютную самостоятельность имен существительных, которые и в предложении занимают центральную позицию, и могут использоваться вне предложения или текста, например, как заглавное слово в толковом или энциклопедическом словаре.

Термин *имя прилагательное* в русском языке является субстантивированной формой страдательного причастия от глагола *прилагать* – *приложить*, его ВФ можно представить формулой ‘то, что прилагается, прикладывается к имени’, т. е. дополнительные характеристики предметов, лиц, явлений, действий и состояний. В китайском языке *имя прилагательное* именуется триадой 形容词 – 表示人或事物的性质、形状或动作、行为、变化的状态的词 ‘слово, выражающее характер, форму или действие, поведение, изменяющееся состояние человека или предмета’ [12], в составе которой иероглифы имеют значение:

– 形: 体态仪表 ‘форма’,

– 容: 包含 ‘включать’,

– 词: 语言里最小的可以独立运用的单位 ‘наименьшая единица языка, которую можно использовать независимо’, т. е. общий знак и, соответственно, общий семантический компонент в обозначении имени существительного и имени прилагательного.

Существенным для китайского термина является идея изменяющегося состояния человека или предмета, что во флективных языках присуще *причастиям* (от *быть причастным чему-л.*, т. е. *быть частью* чего-л.: *при-* + *часть*) как синкретичным формам, совмещающим семантику имени прилагательного и глагола, ср.:

Дружба и тесная связь его [художника Бари] с музыкантами и певцами, жившими в Риме, несомненна, и объясняется, с наибольшей вероятностью, тем, что сам он имел какое-то причастие к музыке. М. Шагинян. *Я жадно искал причаститься той красоте жизни, которой так соблазнительно дышат книги.* М. Горький. *В 1904 г. была образована особая комиссия с целью выдавать ссуды и пособия нуждающимся артистам, писателям, художникам, музыкантам и вообще лицам, причастным к искусству.* Н. Телешов [7, т. 3, с. 456–457].

Термин *имя числительное* в русском языке происходит от древнерусского глагола *числити* ‘считать’ (ср. однокоренные слова: *числ-о*, *числ-итель*, *вы-числ-ять* – *вы-числ-ить*, *на-числ-ять*, *от-числ-ять*, *пере-числ-ять*, *при-числ-ять*, *неис-числ-имый*) и связано с необходимостью указать количество предметов или дать количественные характеристики веществам, обозначить их внешние параметры. ВФ китайского термина содержит ту же идею: в диаде 数词 – 表示数目的词 ‘слова, обозначающие числа’ первый иероглиф 数: 表示、划分或计算出来的量 называет ‘количество, выраженное, разделенное или рассчитанное’, второй – тот же, что в терминологических обозначениях существительных и прилагательных.

Термин *местоимение* в русском языке представляет сложение основ вместо имени и точно характеризует основную функцию слов данной части речи. По определению в словаре О. С. Ахмановой, «Местоимение – часть речи, категориальным значением которой является указание на предмет (признак), исходя из данной ситуации, из обстановки данной речи. «Я» – субъект данного акта речи. «Он» – лицо, не участвующее в данном акте речи. «Этот» – находящийся вблизи говорящего. «Тот» – удаленный от говорящего и т. п.» [1, с. 227].

В китайской грамматике в диаде 代词 – 代替名词、动词、形容词以及其他实词的词. 有人称代词(我、你、他)、指示代词(这、那)、疑问代词(谁、什么)三类 ‘слова, заменяющие существительные, глаголы, прилагательные и другие содержательные слова’ интересен первый компонент 代: 代替 ‘заменять’, соотносимый по значению с грамматическими терминами флективных языков. Однако заместительная функция местоимения в аморфных языках шире, чем во флективных, что следует из приведенной дефиниции.

Термин *глагол* в русском языке образован от древнерусского *глаголати* ‘говорить’ (ср. современное редкое *глаголить*), который, по данным историко-этимологического словаря П. Я. Черных [10, с. 189], происходит из удвоенного звукоподражания *gol-golъ, передающего восприятие звучащей речи. Таким образом, *глагол* в русской картине мира несет идею говорения, живой речи как действия. В китайской грамматике глагол именуется диадой *动词* – *表示人或事物的动作、存在、变化的词* ‘слова, выражающие действие, существование, изменение человека или вещи’, компоненты которой обозначают:

– *动*: *改变原来位置或脱离静止状态* ‘изменение исходного положения или статическое состояние’,

– *词* – тот же знак, что и в наименованиях именных частей речи, из чего следует, что в китайской грамматике основные части речи – *существительное, прилагательное, числительное, местоимение* и *глагол* – суть *имена*, обозначающие различные сущности в членении мира человеком. В грамматиках флективных языков *имена* как обозначения статических сущностей противопоставлены *глаголу*, который имеет категориальное значение ‘действие, протекающее во времени и пространстве’ и обладает в силу этого бóльшим количеством грамматических признаков: вид, переходность, возвратность, наклонение, время, лицо, число, род.

В заключение отметим, что в разноструктурных языках (в частности, в русском и китайском) наблюдаются совпадения ключевых идей, заложенных во внутренней форме грамматических терминов, что обусловлено универсальными свойствами языка как знаковой системы познания и описания мира, и отличия, связанные, с одной стороны, с грамматическими различиями флективных и аморфных языков, с другой – с особенностями национальной культуры, отразившимися в языковых картинах мира.

Библиографический список

1. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – М. : Сов. энц., 1996. – 598 с.
2. Бернштейн, С. Б. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. Чередования. Именные основы / С. Б. Бернштейн. – М. : Наука, 1974. – 378 с.
3. Будагов, Р. А. Введение в науку о языке / Р. А. Будагов. – М. : Добросвет, 2003. – 544 с.
4. Гумбольдт, В. фон. Избранные труды по языкознанию / В. фон Гумбольдт. – М. : Прогресс, 2000. – 400 с.
5. Зализняк, Анна А. Проблема внутренней формы слова в типологическом аспекте / Анна А. Зализняк // Язык. Личность. Текст : сб. статей к 70-летию Т. М. Николаевой. – М. : Языки славянских культур, 2005. – С. 711–719.
6. Иванов, В. В. Внутренняя форма слова / В. В. Иванов // Русский язык : Энциклопедия / Ин-т рус. яз. имени В. В. Виноградова РАН; Под ред. А. М. Молдована. – М. : АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2020. – С. 82.
7. МАС – Словарь русского языка : В 4 т. / Отв. ред. А. П. Евгеньева / Ин-т языкознания АН СССР. – М. : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1957.
8. Маслов, Ю. С. Введение в языкознание / Ю. С. Маслов. – М. : Высшая школа, 1987. – 272 с.
9. Потебня, А. А. Из записок по русской грамматике: В 2 т. / А. А. Потебня. – М. : Наука, 1958.
10. Черных, П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка : В 2 т. – М. : Рус. яз., 1999. – Т. 1. – 624 с.
11. 汉语大词典 / 罗竹凤。上海:上海辞书出版社, 1994 年。
12. 俄汉成语词典 / 周纪生, 仇潞培, 章其编。石家庄:湖北人民出版社, 1998 年。
13. 中国成语大辞典 / 王剑引。上海:上海辞书出版社, 1994。